

РЕЖИССЕР **ЭМИР КУСТУРИЦА:** Известия - 2005 - 5 сел. - стр 1

«Людей нужно заставлять смеяться, иначе их и палкой в кинотеатр не загонишь»

Во внеконкурсной программе Венецианского кинофестиваля состоялась премьера полиптиха «All the Invisible Children» («Все невидимые дети»), в создании которого приняли участие восемь режиссеров из разных стран. Одним из участников проекта стал Эмир Кустурица — автор «Подполья» и «Времени цыган», любимец фестивальной публики, который настолько привык получать награды, что был страшно обижен, когда в прошлом году в Канне Квентин Тарантино обошел вниманием его «Жизнь как чудо». С Эмиром Кустурицей побеседовала корреспондент «Известий» **АННА ФЕДИНА**.

ИЗВЕСТИЯ: Вы отнеслись к проекту гораздо легкомысленнее ваших коллег по фильму.

ЭМИР КУСТУРИЦА: Как всегда. Жизнь не такая серьезная и сложная штука, как всем кажется. К тому же какую историю ты бы ни хотел рассказать, ты должен разместить ее в плоскости света и тьмы, а потом своим фильмом помочь зрителю преодолеть эту тьму. Поэтому лучше всего отображать реальность в жанре трагикомедии. Людей нужно заставлять смеяться, иначе их и палкой в кинотеатр не загонишь.

ИЗВЕСТИЯ: Вы любите повторять, что кино не может изменить мир. Но какова же тогда цель «Всех невидимых детей»?

КУСТУРИЦА: Доставить зрителю удовольствие, помочь ему взглянуть на мир веселее. Это главная цель моих фильмов. Кино оказывает большое влияние

на человека, например, телевизионную передачу мы забываем почти сразу, а увиденную ленту — нет. А раз так, то надо пользоваться могуществом кинематографа, чтобы донести до

зрителя всю красоту и радость жизни. Сам я, можете мне не верить, ужасно депрессивный человек. Так вот, хочется хоть кому-то помочь избавиться от грустных мыслей. → стр. 14

ФОТО: АРР

Эмир Кустурица на съемках фильма «Все невидимые дети»

Известия - 2005 - 5 сент. - стр. 14.

РЕЖИССЕР ЭМИР КУСТУРИЦА:

«Людей нужно заставлять смеяться, иначе их и палкой в кинотеатр не загонишь»

ИЗВЕСТИЯ: Разве первоочередной в полиптихе не была задача привлечь общественность к проблемам детей?

КУСТУРИЦА: Ну, это уже идеология, и в моих фильмах она присутствует постольку-поскольку.

ИЗВЕСТИЯ: Вы вкладывали какое-то символическое значение в название «Blue Gypsy» («Голубой цыган»)?

КУСТУРИЦА: Blue Gypsy — это «цыган с голубыми глазами». Я могу пофантазировать и сказать, что, следовательно, мой герой — не обычный цыганенок и что рядовые представители его народа никогда так не поступили бы.

ИЗВЕСТИЯ: Будь вы на месте своего героя, вы приняли бы такое же решение?

КУСТУРИЦА: Абсолютно. Но дело не только во мне — согласно статистике, большинство подростков, чье детство прошло в тюрьме, возвращаются туда, потому что просто не знают, куда им идти. Да и принимать решения их никто не учил, а за решеткой этого не требуется. Поэтому летом они гуляют на свободе, а зимой обязательно совершают какое-нибудь небольшое преступление — украдут что-то, например — и отправляются зимовать на нары.

ИЗВЕСТИЯ: Две из семи короткометражек посвящены войне. Почему вы на этот раз обошли эту тему стороной?

КУСТУРИЦА: Я уже снял столько фильмов о войне, что можно и еще о чем-нибудь картину снять. В моем творчестве наступил период мира.

ИЗВЕСТИЯ: Сложно было снимать 20-минутную картину?

КУСТУРИЦА: Сначала я был ужасно напуган, потому что даже из института я выпускался с 50-минутным фильмом. А было это 27 лет назад. К тому же никто не знает, что такое короткометражная лента: она может длиться от 5 минут до часа, рассказывать о чем угодно — и все равно будет называться короткометражкой. А потом я понял, что история начнется в тюрьме и закончится там же, и все проблемы сразу отпали.

ИЗВЕСТИЯ: Вы общались с коллегами во время работы над полиптихом?

КУСТУРИЦА: Нет, мы впервые увидели, что у каждого из нас получилось, только здесь, в Венеции. И я даже рад, что не знал, какие короткометражки снимают мои партнеры

по фильму. Уж больно непохожими получились все работы.

ИЗВЕСТИЯ: В вашем фильме вновь фигурируют музыка, футбол, животные.

КУСТУРИЦА: Я развиваю эти темы, чтобы сделать подкоп под кинематограф, его стандарты и законы. Мне нравится эклектика: она, с одной стороны, абсолютно индивидуальна, а с другой — понятна самому широкому кругу людей. Ранний рок-н-ролл был именно таким.

ИЗВЕСТИЯ: После того как вы побывали председателем жюри Каннского фестиваля, вам стал понятнее принцип определения победителя?

КУСТУРИЦА: Да, теперь я не буду удивляться, если лучшая картина останется без награды. Дело в том, что призы присуждают действительно коллегиально и иногда восьми разным людям бывает очень сложно настроиться на одну волну и признать превосходство какого-то фильма. Кстати, нам в Канне очень повезло: у нас было пять работ, каждая из которых была достойна «Пальмовой ветви». Гораздо хуже, когда хорошая картина в конкурсе всего одна, а приз получает какая-то дребедень, потому что кому-то из членов жюри захотелось соригинальничать.

ИЗВЕСТИЯ: Вы пробовали снимать кино в Голливуде. Нет желания вернуться в Штаты?

КУСТУРИЦА: Я готов рассматривать любые предложения, но пока что во всех проектах, с которыми я знакомился, для Эмира Кустурицы место оставалось только в титрах. Голливуд, каким он представляется мне сейчас, слишком агрессивен, поверхностен и прямолинеен, чтобы я мог найти себе там уголок.

ИЗВЕСТИЯ: Вы все еще преподаете режиссуру в Колумбийском университете?

КУСТУРИЦА: Нет, теперь я периодически набираю учеников в своей деревне в Сербии.

ИЗВЕСТИЯ: Насколько активное участие вы принимали в ее строительстве?

КУСТУРИЦА: Я сам ее проектировал и сам же гвозди заколачивал. Не без помощников, конечно. Она похожа на средневековый деревянный сербский город, которого на этом месте никогда не было, но все верят, что когда-то он существовал.

ИЗВЕСТИЯ: Кто живет в вашей деревне?

КУСТУРИЦА: Я. Когда я ее строил, то решил, что демократия мне не подходит. В демократических государствах горожане выбирают себе мэра, в моей деревне я выбираю себе жителей.

ИЗВЕСТИЯ: Почему для своего нового документального фильма вы выбрали Марадону?

КУСТУРИЦА: Потому что, несмотря на все свои победы, он так и не стал богатым подонком. К тому же он непревзойденный футболист: вот так за один проход обойти шесть-семь игроков ни до, ни после него никто не мог. Лучшие годы его карьеры ознаменовали собой пик индивидуальности в футболе. Вы не представляете, как я торжествовал, когда Марадона вывел аргентинцев в чемпионы. Во время того гениального слалома он оставил позади себя не просто шестерых brutальных англичан, он показал кукиш Марии Кровавой и Елизавете Английской, Тони Блэру и Маргарет Тэтчер.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы с ним познакомились?

КУСТУРИЦА: Я долго пытался с ним встретиться, но его агенты постоянно мне отказывали. А потом он посмотрел «Черную кошку, белого кота», влюбился в эту картину и с удивлением обнаружил, что тот, кто так упорно добивался его внимания, оказывается, его любимый режиссер.

ИЗВЕСТИЯ: Когда выйдет ваш новый художественный фильм?

КУСТУРИЦА: На следующий год. В основе лежит история, которую я услышал у себя в деревне. Называться фильм будет «Promise Me» («Обещай мне») и расскажет об умирающем деде, который посылает внука в город, чтобы тот сделал три вещи: продал корову, купил икону и нашел женщину.

ИЗВЕСТИЯ: Кому?

КУСТУРИЦА: Дедушке. Тьфу, черт, внуку!

ИЗВЕСТИЯ: Вы часто снимаете фильмы на основе рассказанных кем-то случаев. Где вы находите столько людей с необыкновенными историями?

КУСТУРИЦА: Я веду очень активную жизнь, постоянно общаюсь с людьми. К тому же я ужасно любопытный.

ИЗВЕСТИЯ: То есть с вами легко заговорить на улице?

КУСТУРИЦА: Да. Если я на улице.